
О. В. КОТУНОВА

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЭТИКА
ДИСКУРСА: ПЕРСПЕКТИВА
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Статья посвящена анализу проблематики memory studies в перспективе дискурсивной этики. Возможности рассмотрения исторической памяти в этическом ключе демонстрируются на примере концепций memory studies первой волны за авторством А. Бергсона, М. Хальбвакса и М. Блока. В связи с этим реконструируется как собственная структура концепций памяти, так и их роль в составе авторских теорий. Затем концептуальные построения проходят этический анализ, на основе итогов которого может быть сформирована единая исследовательская область – дискурсивное пространство глобальной исторической памяти. Такой подход открывает новые перспективы развития memory studies в условиях рецепции дискурсивной этики на примере концепции К.-О. Апеля.

Ключевые слова: *memory studies, коллективная память, историческая память, этика дискурса, Анри Бергсон, Морис Хальбвакс, Марк Блок, Карл-Отто Апель.*

The article is dedicated to the analysis of memory studies in terms of discourse ethics. The opportunities of ethical consideration of historical memory could be demonstrated by taking the concepts of first-wave memory studies by H. Bergson, M. Halbwachs and M. Bloch as an example. Hence, both the very structure of memory concepts and role of those concepts in theories of the authors listed above are reconstructed. After that, the conceptual constructions are subjected to ethical analysis whose results allow defining an integrated field research – the discursive space of global historical memory. This approach opens up new prospects for the development of memory studies in the context of reception the discourse ethics by the example of the concept of K.-O. Apel.

Keywords: *memory studies, collective memory, historical memory, discourse ethics, Henri Bergson, Maurice Halbwachs, Marc Bloch, Karl-Otto Apel.*

Тема памяти составляет одно из наиболее актуальных исследовательских направлений. Находясь на стыке теории и практики, она представляет интерес для гуманитарных, социальных и когнитивных наук. Однако такое дисциплинарное многообразие имеет следствием неоднородность исследовательского пространства, которое приобретает хаотичные черты. Подобная ситуация ярко характеризует *memory studies* (исследования памяти) [Миллер 2018].

Сегодня принято говорить о трех исследовательских волнах в развитии данной дисциплины [Сафронова 2018], которые условно можно было бы назвать: а) периодом неосознанной или побочной объективации; б) периодом сознательной объективации, создания и разведения предметной области; в) периодом критики.

Первая из волн охватывает разнообразных авторов, которые в начале XX в. обратились к данной проблематике. Тема памяти возникла у них как побочная ветвь собственной исследовательской линии. Это прежде всего М. Хальбвакс, А. Бергсон, Ф. Бартлетт и В. Беньямин. Кроме того, проблематику памяти можно обнаружить в обращении к локальной истории и истории ментальности, а значит, и включить в список М. Блока, Л. Февра и Й. Хёйзингу.

Вторая волна *memory studies* относится к последней трети XX в. и связывается с именами П. Нора, Й. Йерушалми, Я. Ассмана, А. Ассман, П. Рикёра и других авторов. Внимание к этой теме является своеобразной реакцией на кризис классической системы гуманитарных наук. Кроме того, интерес обусловлен социальными катаклизмами XX в., после которых тема памяти оказалась необычайно востребована. Целый комплекс социальных, институциональных и технических факторов привел к тому, что начиная с 60–80-х гг. количество работ, касающихся вопросов памяти, значительно возросло. Вместе с тем возросло и разнообразие подходов, точек зрения и вариантов развития данной проблематики.

Обеспокоенность по поводу такого разнообразия сформировала третью – критическую – волну *memory studies*. Если представители второй волны были заняты содержательным наполнением исследовательской области, то критика третьей волны по большей части коснулась ее формальной стороны. Б. Зелизер, Д. Олик, Э. Тулвинги и другие авторы фиксируют внутренние структурные и методологические проблемы. Они задаются вопросом, что связывает мно-

гочисленные и зачастую далекие друг от друга исследования, позволяя им выделиться в отдельную дисциплину [Zeliezer 1995; Olick, Robbins 1998]. Таким образом, представители третьей волны проблематизируют предшествующую традицию, поднимая исследования на метауровень.

Действительно, поиск строго дисциплинарной составляющей *memory studies* может завести в тупик – здесь вряд ли возможно единство объекта или метода, а общий предмет оказывается довольно пластичным [Olick 2009]. Все это, вероятно, свидетельствует о том, что *memory studies* обладают лишь относительной самостоятельностью и, несмотря на содержательную сложность, выступают инструментальной областью знания.

Это можно обнаружить, вернувшись к некоторым аспектам истории становления *memory studies*. На первом этапе тематика памяти вписывалась в крупные авторские теории и обретала жизнеспособность внутри них – изъятые из связных систем концепции обладали множеством противоречий по отношению друг к другу и не вызвали существенного интереса. Потому здесь еще нельзя говорить об обособленной предметной области и самостоятельном развитии собственно *memory studies*. Вне специального контекста они просто не были актуальны.

Пройдет время, прежде чем данная тема вернется в интеллектуальное пространство – как уже было замечено, она будет вызвана к жизни исторической ситуацией. Такой ситуацией стало окончание Второй мировой войны, а последовавший за этим глобальный кризис требовал неотложного переосмысления мироустройства. Выводы актуализированных таким образом исследований памяти должны были служить основанием для принятия политических и социальных решений. Однако ситуативный вызов современности как условие формирования научной парадигмы пусть и является эффективным в практической сфере, но сообщает неустойчивость всей конструкции знания – смена исторической ситуации влечет за собой потерю единства институции.

Появление критики третьей волны сигнализирует о наметившейся смене парадигм: то, что в течение нескольких десятилетий обеспечивало *memory studies* внутреннее чувство институциональности, более не воспринимается естественно. *Memory studies* сего-

дня требуют новых точек приложения – надежного фундамента, способного задать вектор продуктивного развития. Представляется, что одним из таких оснований может служить этика.

Совместная работа этики и исторической памяти кажется перспективным проектом. Область этического достаточно широка, чтобы вместить и творчески переработать проблематику *memory studies*. Кроме того, одной из задач этики является возведение мостов между должным и сущим, и *memory studies* как раз открывают доступ к последнему. Таким образом, вневременные аспекты этики обеспечат стабильность институциональных рамок, а ситуативные наработки *memory studies* сообщат динамизм исследовательской линии.

Тем более что этические вопросы не являются инородными, а, скорее, присутствуют собственной проблематике *memory studies*. Вне зависимости от того, полагают ли авторы память личной или социальной категорией, трудно отрицать оказываемое ею влияние как на формирование человека, так и на его поведение в течение всей жизни – темы, напрямую касающиеся сферы этического. Близость проблематики можно обнаружить уже на ранней стадии, обратившись к исследованиям первой волны. Некоторые из них имеют прямые этические следствия, другие же требуют дополнительной экспликации основных идей в терминах этики.

Среди таких исследований – теории памяти А. Бергсона и М. Хальбвакса. Оба автора находились под влиянием идей французской социологической школы [Levine 1995], но если Хальбвакса можно назвать прямым последователем Э. Дюркгейма, то Бергсон выступает в оппозиции к последнему. В итоге две теории памяти, имея важные точки соприкосновения, зеркально расходятся в выводах. Дополнит сравнение методологическая концепция сооснователя школы «Анналов» М. Блока, которая также демонстрирует иной вариант концептуальных построений, не менее важный для этической экспертизы.

Бергсон осмысляет память в традициях философии жизни и интуитивизма, признавая за ней не только статическую функцию удержания прошлого, но также большой творческий потенциал [Бергсон 1992]. Эти две стороны памяти обусловлены двумя ее типами. Первый тип – память-привычка, которая в силу естественной

необходимости фиксирует события и объединяет их, распределяя согласно объективным временным показателям, а также подчиняется воле. Она более стабильна, но это формальная стабильность, не распространяющаяся на содержание. Второй тип оказывается спонтанной памятью; такую память, по мнению Бергсона, сложно контролировать – в отличие от памяти-привычки она формально нестабильна и безразлична к волевому акту. Однако ее содержательная неизменность способствует целостной и непосредственной передаче образа, и потому данный тип памяти оказывает прямое влияние на принятие важных решений.

Бергсон указывает на необходимость гармоничного сочетания двух типов памяти, но наиболее существенная роль в его теории отведена памяти спонтанной. Именно благодаря ей осуществляется становление, ведь по своей сути она лежит в основе центральной для Бергсона идеи жизненного порыва – прогрессивной силы развития. Однако ряд характеристик спонтанной памяти – аффективность, непосредственность, неделимость, ценностная нагрузка – делает ее исключительно индивидуальной, отсылающей к личному опыту. Любая попытка трансляции личного опыта вовне оказывается несостоятельной: она опосредует и делает дискретным целостное по своей природе воспоминание, требуя его временной и ценностной унификации. Вследствие таких процедур спонтанное воспоминание превращается в воспоминание-привычку со стабильной формой, но выхолощенным содержанием.

Если история порождена памятью-привычкой, то она наследует все особенности последней: фактически представляет собой статическое царство автономных и безжизненных фактов, доступных каждому, но ведущих к автоматическим действиям, препятствующим качественному развитию общества. Всякая событийность принадлежит области индивидуального, а подлинная история творится в сфере личного опыта, на уровне которого единственно действует творческая эволюция. В теории Бергсона именно внутренний исторический опыт, порожденный спонтанным воспоминанием, составляет саму суть исторической памяти, лежащей в основе прогресса.

М. Хальбвакс так же, как и А. Бергсон, различает два типа памяти [Хальбвакс 2005]. Согласно его теории, воспоминания могут

либо выстраиваться вокруг конкретного человека, рассматривающего их с собственной точки зрения, либо распределяться в некотором сообществе, становясь его отображением. Индивидуальные воспоминания опираются на личный опыт и являются условием уникальности внутренней жизни конкретного человека. Коллективные воспоминания безличны, однако обмен ими, их поддержка и трансляция формируют социум. Хальбвакс подчеркивает перманентный характер пересечения индивидуальных и коллективных воспоминаний – в отличие от теории Бергсона, это не простой принцип дополнительности двух автономных типов памяти, доступных индивиду, а полноценное взаимное влияние.

Наиболее существенна здесь оппозиционная Бергсону идея о социальной природе памяти вне зависимости от ее типа. Даже функционирование индивидуальной памяти, по мнению Хальбвакса, обусловлено наличием культурной среды, из которой заимствуются основные категории, слова и идеи. Мысли, чувства, воспоминания и впечатления закрепляются в сознании индивида лишь постольку, поскольку его память полагается на опорные точки, существующие вне ее и установленные обществом. Хальбвакс называет эту особенность социальной рамкой памяти [Хальбвакс 2007]. Благодаря такой рамке любое индивидуальное воспоминание лишается чистоты, поскольку уже оказывается опосредовано определенной оптикой: возрастом, географическим положением, воспитанием, образованием, принадлежностью к определенным социальным группам. Минимальной социальной рамкой является язык.

Указание на социальную природу индивидуальной памяти открывает доступ к каналу коммуникации между индивидом и обществом: именно селекция индивидуальных воспоминаний формирует пространство коллективной памяти. По-видимому, селекционная работа состоит в частичном обезличивании воспоминания, содержащего важную информацию для определенной группы людей. В результате такой работы воспоминание лишается интимности, но сохраняет эмоциональный заряд, вызывающий отклик у всех членов сообщества. Потому не только социум задает памяти индивида определенную парадигму посредством социальной рамки, но и индивидуальная память сообщает социуму некую аффективность, в основе которой лежат механизмы эмпатии и способности к пере-

носу. Эта особенность позволяет распространить утверждение о том, что «память опирается не на выученную, а на прожитую историю» [Хальбвакс 2005: 11–12], за пределы индивидуального. Насколько обезличенные индивидуальные воспоминания сохраняют свою актуальность и эмоциональный заряд в памяти сообщества, настолько они оказываются «прожитыми» теми членами этого сообщества, которым воспоминания знакомы всего лишь со слов других.

Именно коммуникационный аспект сопряжения индивидуальной и коллективной памяти в теории М. Хальбвакса становится отправной точкой для критики М. Блока. В своей рецензии на работу «Социальные рамки памяти» Блок требует терминологической чистоты, указывая, что коллективная память не аналогична индивидуальной, поскольку их данные различны [Блок 2015]. Наиболее интересным для него представляется механизм коллективного «вспоминания» или передачи воспоминаний, представляющий собой не механическую трансляцию и селективный обмен, но факт общения между индивидами, который предполагает процедуру сотворчества.

Блок полагает, что воспоминания непрерывно изменяемы в процессе коммуникации и потому динамичны, однако их динамика остается незаметной на коротком временном отрезке. Консерватизм памяти оказывается лишь номинальным, что становится заметно при обращении к историческим фактам, для реконструкции смысла которых всегда требуется усилие интерпретации. Чем дальше в истории располагается утвержденное таким фактом событие, тем серьезнее потребность в герменевтических процедурах. Интерпретатор же всегда опосредован актуальной реальностью, потому наполняет прошлое смыслом за счет обращения к настоящему.

Ненадежность фигуры интерпретатора и открытость самой процедуры заставляет Блока с недоверием относиться к памяти в исторической перспективе. Он называет ее «лишь неверным зеркалом» [Там же: 120] в силу того, что память сохраняет форму события, но по мере передачи в веках эта форма утрачивает изначальное содержание. Тем не менее из оппозиции памяти и истории за преимуществом последней берет свое начало новая методология

[Блок 1986]. Созданный Блоком подход уделяет особое внимание скрытым конфликтам памяти – ситуациям непонимания или умышленного искажения интерпретатором сути тех или иных событий и традиций прошлого. Например, когда их смысл объяснялся попросту недостаточным развитием общества, в котором они бытовали. Эта методология демонстрирует содержательный динамизм памяти, делая его доступным для анализа в поисках подлинного, а не иллюзорного понимания исторических событий.

В представленных способах рассуждения Хальбвакса и Бергсона ясно прослеживается модернистская логика понимания исторического процесса, согласно которой прошлое обуславливает настоящее, оказывая прямое влияние на формирование будущего. Бергсон в своих рассуждениях придерживается принципа развития от частного к общему; Хальбвакс, напротив, полагает, что оно протекает от общего к частному. Критические же замечания Блока в адрес работы Хальбвакса ясно демонстрируют тенденцию к отказу от модернистского мышления в целом. Однако, укладываясь в рамки парадигмальных принципов, эти концепции в большей мере следуют логике развития авторских теорий, внутри которых обретают полную силу.

У Бергсона концепция памяти подкрепляет теорию эволюционного становления, отличную от материализма и идеализма [Бергсон 2006]. Его онтология и гносеология обусловлены интуитивистскими посылами, которые, в свою очередь, утверждают непосредственность и целостность опыта восприятия эволюционных сил, невозможность его полноценной трансляции за пределы индивидуального. Именно уникальность такого опыта среди прочего подчеркивает бергсоновская концепция памяти наравне с его учением о длительности.

Одной из целей всего творчества Хальбвакса было обоснование связи между социологией и психологией. Вот почему его концепция памяти является своеобразным медиатором между общим и частным, коллективным и индивидуальным. В сфере его интересов не столько событийная подлинность, сколько взаимовлияние индивида и социума. Историческая память оказывается продуктом такого взаимовлияния, а человеческая способность к ее опредмечи-

ванию образует объектную область исследований морфологии общества.

Задачей Блока является апология истории – поиск путей выхода из кризиса исторической науки, для которой память оказалась проблемным местом: положенная в основу традиции, она стала препятствием на пути к чистоте понимания события. Критическое рассмотрение памяти позволило сделать шаг к построению новой методологии. Решая проблему, близкую к бергсоновской подлинной событийности, Блок рассматривает ее скорее в герменевтической плоскости – понимание здесь является конечной целью, а не промежуточным этапом.

Такое разнообразие точек приложения и теоретическая неоднородность концепций *memory studies* первой волны позволяют предположить сложности сопряжения в области этики. В первом приближении эти ожидания оправдываются – кажется, будто проекции идей Бергсона, Хальбвакса и Блока в сферу этического касаются совершенно разных ее областей. Тем не менее далее будет представлена попытка объединения этих концепций. Парадигмальной для них выступит более поздняя теория этики дискурса, позволяющая создать единое идейное пространство, открытое дальнейшему развитию. Однако вначале следует рассмотреть основные этические следствия вышеизложенных концепций памяти.

Онтология памяти Бергсона находит непосредственное отражение в его этических построениях [Бергсон 2010]. Память-привычка, лежащая в основе истории, формирует «закрытое» общество, руководствующееся принципами «закрытой» морали. Такая мораль является продуктом социальной системы и призвана сохранять ее упорядоченность, стабильность и единство. По существу, это ряд обязанностей, которые вменяются всем членам социума и контролируются им же, – система совокупного общественного давления, где общее обладает приматом над частным. Бергсон отмечает присущий этому образу морали механизм психологической защиты: действуя согласно этим принципам, люди не ощущают напряжения довлеющего над ними долга, а, скорее, соотносятся с ним как с чем-то естественным. Несмотря на отсутствие видимого дискомфорта, система отношений, отвечающая этим принципам, оценивается Бергсоном негативно.

В оппозиции такой нормативности находится этика совершенного образа, которой соответствует система «открытой» морали, поддержанная спонтанной памятью, ориентированной на уникальный опыт. Понятие о такой морали неразрывно связано с наличием в истории уникальных личностей, которые будут являться образцами для подражания последующих поколений, оспаривая или уточняя актуальную нормативность. Фигура такого реформатора предстает суммой желаемых поступков, мыслей и черт характера. Через таких людей «открытая» мораль транслирует своим последователям особый способ индивидуального существования.

«Закрытые» общества, по мнению Бергсона, способствуют угасанию прогрессивных сил, тогда как подлинное развитие протекает по индивидуальным каналам. Историческая событийность связана с действием конкретных личностей, обусловлена их индивидуальным опытом, зачастую находящимся в оппозиции к тому, что Дюркгейм называет коллективными представлениями. Потому и подлинная мораль в этой теории оказывается в определенной степени трансгрессивной моралью – прогресс здесь достигается только выходом за пределы общепринятых ожиданий и норм. Однако окончательного разрыва между индивидом и обществом не происходит. Общество оказывается в состоянии освоить революционные идеи своих лидеров, но вследствие этого освоения уникальный опыт становится тривиальным фактом, а моральный поступок – общим формальным требованием.

В отличие от Бергсона, Хальбвакс не занимался разработкой собственной моральной теории. Тем не менее выстраиваемая им онтология памяти в традициях французской социологической школы, а также разработки в области психологии позволяют не только указать место этики внутри его собственных построений, но и произвести этическую экспликацию идей, которые послужат важными уточнениями для социологической теории морали.

Контекстом творческой мысли Хальбвакса, как уже было замечено, является традиция французской социологической школы – и в большей степени взгляды Дюркгейма, который активно развивал социально-апробативное направление в этике. По мнению Дюркгейма, мораль представляет одно из измерений коллективного существования и обладает независимым онтологическим статусом,

что позволяет говорить о моральных фактах как об объективных единицах, изучаемых отдельным направлением социологической науки – социологией морали [Дюркгейм 2002]. Кроме того, Дюркгейм проводит деление на абстрактную метафизическую мораль и конкретные нормы, воплощенные в этосе. В соответствии с планом систематизации наук, предложенным Контом, описание и изучение конкретных норм разнообразных этосов предшествует выводу общих моральных законов.

Существенная трудность вывода таких законов для социологии морали состоит в том, что общество динамично. Дюркгейм говорит о двух принципиальных стадиях развития – обществе традиционном и индустриальном. Традиционное общество характеризуется сильным коллективным началом, где сознание каждого из членов растворено в общем сознании, а человек не мыслит себя отдельно от группы. Такое общество сопровождается механической солидарностью, которая представляет собой определенный тип связи между индивидами, обеспечивающий стабильность группы. Механическая солидарность характеризуется высокой степенью регламентации всех сфер жизни индивидов, где императивность утверждается в основном через обращение к священному. В индустриальном обществе, напротив, утверждается рост индивидуального начала и автономии личности, а высокая степень рефлексии способствует динамике процессов секуляризации и «расколдовывания» мира, росту рациональности. Механическая солидарность сменяется органической, основанной на личной взаимозависимости и взаимообмене.

Важно отметить, что речь идет об одном и том же обществе, которое трансформируется под влиянием определенных факторов, главным из которых Дюркгейм называет разделение труда [Гофман 2007]. Тем не менее во всех вариантах трансформации общество сохраняет свою фундаментальную основу – совокупность ценностей и традиций, которые составляют базис коллективных представлений. Таким образом, индустриальное общество сохраняет в себе черты традиционного, адаптируя их к новым реалиям. Коллективное начало не исчезает, а получает более абстрактное, опосредованное выражение, например, в виде науки и права. Потому даже в индустриальном обществе и сама мораль, и производные от

нее единичные моральные акты несводимы к индивидуальному нравственному чувству или интересам отдельного человека, а представляют собой лишь частный случай проявления коллективного сознания [Fish 2016]. Мораль как одно из базовых измерений коллективного сознания во всех ее проявлениях направлена на коллективный субъект – общество как таковое, которое, согласно Дюркгейму, является главной целью и ценностью, а вместе с тем и главным моральным законодателем и санкционером.

Именно эти теоретические установки будут отправной точкой для исследования идей Хальбвакса. Сразу же отметим их основное отличие: если задачей Дюркгейма было обоснование феномена коллектива, то Хальбвакс ищет точки и способы сопряжения индивидуального и коллективного, несколько ослабляя довлеющее превосходство последнего.

Спустя несколько лет после выхода книги «Социальные рамки памяти» и критической рецензии Блока Хальбвакс проводит ревизию собственных теоретических положений, уточняя и дополняя их [Хальбвакс 2015]. В своей статье он вновь противопоставляет индивидуальную и коллективную ментальность. И то и другое относится к области психологии и имеет единый, взятый как частное и общее, предмет исследования – это идеи, цели и ценности. Однако объекты исследования различны – если психолог в ходе диагностики отдельного человека может обратиться к телу и фиксации физических состояний для сопоставления с ментальными состояниями, то объектной средой коллективного психолога будет являться материальная культура группы, соотносимая с ее духовной культурой.

Последователи зачастую воспринимали эти рассуждения слишком буквально, по принципу аналогии называя материальную культуру телом общества и носителем коллективного сознания. Из положений самого Хальбвакса видно, что это строго методологическая метафора и у коллектива нет иного тела и иного сознания, кроме тел и сознаний его индивидуальных представителей. Тем не менее сама необходимость обращения к подобной метафоре демонстрирует сложность позиции исследователя, который при рассмотрении коллективных ментальностей вынужден действовать опосредованно, тогда как количество посредников возрастает в усло-

виях постоянной трансформации общества. Коллективная ментальность здесь является по большей части продуктом анализа и интерпретации статистических показателей, то есть искусственным интеллектуальным конструктом, имеющим корреляции с реальностью и непрерывно корректируемым в ходе обработки новых данных, исходящих от отдельных представителей коллектива.

Это рассуждение особенно важно, поскольку среди прочего М. Хальбвакс замечает, что О. Конт предполагал в качестве предмета изучения моральной философии не социум, на чем настаивает Дюркгейм, а систему преобразующего взаимовлияния между индивидуальным и коллективным. Однако содержательного описания такой системы Хальбваксу дать не удалось – он не ставил перед собой такой задачи. Тем не менее на основании его исследований можно указать некоторые ее черты. Видимой точкой пересечения частного и общего является человек, в котором индивидуальное и коллективное начала действуют сообща. Кроме того, Хальбвакс указывает на положения, прямо противоречащие принципам Бергсона: коллективное начало, по его мысли, выступает условием динамики любого развития, а индивидуальность, напротив, тяготеет к консерватизму, целостности и самотождественности.

Этика, соответствующая таким положениям, вероятно, представляет собой адаптированное кантианство, соединяющее в себе динамизм свободы на уровне общества и личный моральный императив. Адаптированным кантианством называют также систему моральной философии Э. Дюркгейма [Emile... 2005]. Известно, например, что единичный моральный акт в его моральной системе предполагает трансцендирование – чувство выхода за пределы индивидуальной сущности и соприкосновение с абсолютом, близкое к переживанию священного. Однако если у Канта таким абсолютом выступает моральный закон сам по себе, то у Дюркгейма им, соответственно, оказывается общество. Вместе с тем кантовский моральный закон является также условием свободы – ее неизменным гарантом, в то время как дюркгеймовское общество претерпевает непрерывное развитие, а идея свободы здесь является продуктом социальной эволюции и движется по пути прогресса сообразно с обществом.

Тем не менее общество не может реализовать идею свободы непосредственно, оно служит лишь фундаментом общей возможности. Для того чтобы эта возможность не осталась номинальным постулатом, социология морали вынуждена обратиться к индивиду и признать за ним более значительную роль. Тогда акцентированное внимание к индивидуальному компоненту, отличающее теоретические построения Хальбвакса, может служить уточнением этической концепции Дюркгейма, сообщая ей дополнительную устойчивость.

Практики свободы, а вместе с тем и моральные практики, возможны лишь посредством рефлексивно самоограниченных в интересах общества индивидуальностей, силами которых и осуществляется дальнейшая социальная трансформация. Свобода, направленная к обществу, стимулирует творческую сторону индивида при условии, что индивид несет ответственность за негативные последствия творческих инициатив. Совокупность таких индивидуальных актов позволяет говорить о них как о целостности, релевантной обществу.

Такой социальный оптимизм Хальбвакса без потери индивидуального начала может служить предпосылкой для рассмотрения его идей в свете этики дискурса. Под этикой дискурса здесь понимается способность к созданию пространства с общими правилами взаимодействия между агентами. Эти правила позволяют осуществлять перевод с одного нормативного языка на другой без потери смысловой составляющей и способствуют выработке совместных решений. Проведенный Хальбваксом анализ коллективного и индивидуального позволяет расширить пространство этики и рассматривать в качестве агентов большие и малые сообщества, исследуя взаимоотношения между ними с точки зрения общей моральной теории. При этом интерес к межличностным и личностно-общественным отношениям не становится второстепенным, индивидуальные и «коллективные» агенты на равных действуют в дискурсивном пространстве.

Тем не менее следует признать, что такое дискурсивное пространство в большей степени является зеркалом настоящего и регулирует только текущее положение дел. Прошрое лишь оказывает влияние – благодаря механизму социальных рамок транслируя ценностное ядро коллективных представлений, – однако ему отка-

зано в собственном существовании. В свете этого замечания пространство коллективной памяти лишается глобальной исторической перспективы. Для этики это означает, что в дискурсивном пространстве могут быть урегулированы лишь такие споры, начало которым было положено относительно недавно и обстоятельства которых в коллективной памяти не успели подвергнуться существенной трансформации.

Это теоретическое обстоятельство оказывается серьезной помехой. Многие из межколлективных конфликтов имеют достаточно глубокие корни, а лежащие в их основе неразрешенные противоречия трансформируются до идей, равных по статусу ценностному ядру коллективных представлений, благодаря чему получают трансляцию по каналам коллективной памяти. Этика дискурса, построенная сообразно этим принципам, оказывается бессильна в решении данной проблемы, а значит, должна быть специализирована и дополнена.

Если концепция коллективной памяти Хальбвакса сделала межколлективные взаимодействия доступными для этического анализа, то замечания Блока могут провести необходимую историческую вертикаль. Его методология, направленная не на объяснение общественного прогресса, а на понимание и межкультурный диалог сквозь века, дает возможность равного рассмотрения как современных обществ, так и древних сообществ. Последние заслуживают отдельного внимания – как уже было замечено, расширение дискурсивного пространства влечет за собой также и трансформацию действующих в нем агентов и особенностей их взаимодействия. С помощью социологических идей Хальбвакса был уточнен феномен коллектива и объяснена возможность межколлективных взаимодействий. Историческая перспектива ставит иной вопрос: как возможен диалог прошлого и настоящего, если их агенты имеют различные онтологические статусы?

В случае с отдаленным прошлым речь будет идти о преодолении пространственного и временного разрывов или двойном опосредовании. Во-первых, о статистическом обобщении индивидуальных данных – процедуре социологического характера, о которой рассуждает Хальбвакс. Во-вторых, о трансляции разрозненных

или обобщенных данных посредством исторических документов и архивных свидетельств. Обе процедуры находятся в ряду профессиональных задач историка, и он таким образом выступает в качестве толкователя изучаемой им эпохи. Здесь этика дискурса пересекается с профессиональной этикой, о которой в числе прочего рассуждает Блок.

Принципы такой профессиональной этики напрямую соотносятся с эпистемологическими принципами исторической науки, главным из которых является самосозидание исследовательского объекта – теоретической реконструкции на основе фактического материала в условиях его непосредственной утраты в настоящем. По аналогии наблюдения с помощью приборов в естественных науках историк рассматривает явления через задокументированный след, а объективным явлением может быть признано то, что получило методологическое осмысление и место в системе. Последнее замечание отсылает к структуралистскому подходу, однако осмысление явления как элемента в структурном ряду не должно выступать окончательной гарантией подлинности события. Притязания исторического дискурса на истину могут быть подтверждены только благодаря особому рода нормативности, добровольно принятой к исполнению: письменному характеру деятельности, осмысленному и понятному объяснению и документальному доказательству, собранным в единое целое.

Позиция перманентной рефлексии является ключевой для системы профессиональной этики Блока. Историк здесь выступает не только исследователем, но и посредником в дискурсе между сообществами прошлого и настоящего. Но не менее важной задачей, чем реконструкция событий, является их репрезентация. В ходе ее реализации особенно важным оказывается то, что принятые аксиологические и моральные нормы в системе социальных отношений прошлого получают ценностно нейтральный статус. Это замечание Блока вывело на новый уровень развития профессиональную этику исторической науки, трансформировав отношения между настоящим и прошлым из субъект-объектных в субъект-субъектные.

Данный подход сам по себе должен сбалансировать отношение к истории, нейтрализуя как идею прогресса, так и миф о золотом веке. Прошлое, репрезентируемое таким образом, выходит в дис-

курсивное пространство в условиях равноправия – оно более не архив подходящих аргументов и окончательных суждений для интересов настоящего, а живой участник дискуссии, апеллирующий к собственной реальности. Распространение тех же принципов за пределами профессионального сообщества представляется трудной задачей, однако само место историка в системе социальных отношений обусловлено этой функцией непрерывной корректировки коллективной исторической памяти, возвращения прошлому современного ему контекста. Историк – не судья прошлому, как и не судья настоящему. Дискурсивное пространство, в котором он получает полномочия в силу профессионального статуса, само по себе является открытым для самых разных суждений.

Можно заметить, что этическая экспликация концепции *memory studies* первой волны, несмотря на первоначальные концептуальные противоречия, формирует целостную картину и демонстрирует потенциал многоуровневого взаимодействия. В рамках этики дискурса ставка делается на агентов, способных к рефлексии и готовых к аргументированной дискуссии лично или посредством представительства. Этика в рамках теории Бергсона фокусируется на частной событийности и творческом потенциале отдельной личности, тогда как идеи Хальбвакса открывают для этики возможность обнаружения творческого потенциала на уровне локальных сообществ, не минимизируя роль индивидуального начала. Концепция же Блока дает представление о том, как может быть расширено этическое пространство и устроено взаимодействие в глобальной исторической перспективе: в рамках одного сообщества на разных стадиях его развития или же между различными сообществами, часть из которых уже утрачена.

Приведенная выше структура может быть истолкована в качестве рецепции «идеального дискурсивного сообщества» К.-О. Апеля в области *memory studies*, однако трансцендентально-прагматическое обоснование, так же как и в этике дискурса, здесь не должно ограничиться только структурным эскизом. Концепции первой волны могут быть стянуты в единое дискурсивное многоагентное пространство, но этого оказывается недостаточно: требование пра-

ктического применения норм и правил аргументации в ходе дискурса выступает другой необходимой посылкой в основании системы. Последнее означает «необходимость следования этим нормам во всех случаях взаимодействия с другими, когда это следование является посильным <...> – ведь мы вправе ожидать, что эти другие способны и готовы содействовать дискурсивному установлению норм, делающих консенсус возможным, и этим нормам следовать» [Апель 2001: 58].

Речь идет прежде всего о принципе ответственности в фундаменте этики дискурса. Однако общепринятые виды ответственности (институциональная/коллективная и личная) оказываются недостаточно гибкими и оставляют часть пространства недоступным для этической оптики, а значит, потенциально опасным. Возникает необходимость в гибридном виде ответственности, который Апель называет со-ответственностью или взаимоответственностью.

Взаимоответственность действует в глобальном пространстве, не скованная традиционными институциональными границами, а ее первичным принципом оказывается личная инициатива, обращенная к интересам общества. Суть подобных инициатив сводится к обнаружению рисков, а также реорганизации или созданию институтов, позволяющих предотвратить негативные последствия или минимизировать нанесенный ущерб. Предполагается, что такая ответственность затрагивает интересы многих, однако на этапе обнаружения и оценки рисков оказывается еще не разделенной между многими. Напротив, она только служит фактором консолидации экспертного сообщества и заинтересованных лиц вокруг нового проблемного поля. Это преимущественно подвижная и пластичная ответственность индивидуальных представителей в рамках адаптирующихся институтов [Apel 2001]. Такой вид ответственности ориентирован на решение глобальных проблем через обращение как к отдельным индивидам, так и к различным по масштабу сообществам. Именно эта характеристика взаимоответственности позволяет предположить ее эффективность в области работы с исторической памятью.

Итак, проведенный анализ концепции *memory studies* первой волны демонстрирует возможности взаимодействия дискурсивной

этики и исторической памяти. Уже на данном этапе вокруг изначально обособленных концепций может быть очерчена более широкая исследовательская область как постулат структурной организации дискурсивного пространства. Это, в свою очередь, позволяет предположить перспективы многовекторного развития проблематики памяти в этической парадигме как на теоретическом уровне, так и в решении конкретных кейсов. Или, в терминах К.-О. Апеля, служит одной из посылок развития планетарной макроэтики.

Тем не менее дальнейшее развитие *memory studies* и кризис третьей волны показывают, что этический потенциал дискурсивного пространства, которым обладали исследования первой волны, по существу, не был освоен. Можно предположить, что причина сложившейся ситуации – в фактическом отсутствии системы единых дискурсивных правил, которые соотносятся с универсальными этическими принципами, главным из которых является принцип взаимответственности.

Как уже было сказано, во многом это объясняется исторической ситуацией – трагические события XX в. способствовали формированию фрагментарной травматической парадигмы исследований, опирающейся на локальный опыт постколониальных сообществ. Однако успехи программы, ориентированной на принципиальную множественность, неоднозначны – примеров полноценного преодоления травматического опыта недостаточно, а некоторые исследователи скорректировали первоначально позитивную оценку. Так, П. Нора, ранее приветствовавший деколониальные процессы в исследованиях памяти, отметил настораживающую тенденцию: память из средства освобождения превращается в инструмент исключения, становясь источником локальных конфликтов [Нора 2005]. Это наглядно показывает, что открытое пространство исторической памяти в отсутствие реально работающих дискурсивных принципов, соответствующих принципам этики, вместо разрешения конфликтов реализует их поддержку и производство.

В то время как исследователи третьей волны активно занимаются поиском путей выхода из дисциплинарного кризиса и переопределением границ предметного поля *memory studies*, представ-

ляется, что рецепция дискурсивной этики для данной исследовательской области в целом имеет существенный объяснительный и практический потенциал.

Литература

Апель К.-О. Понятие первичной взаимответственности как предпосылка планетарной макроэтики // *Философия без границ*. М. : Издатель Воробьев А. В., 2001. С. 47–68.

Бергсон А. Материя и память / А. Бергсон // *Собр. соч.*: в 4 т. Т. 1. М. : Московский клуб, 1992.

Бергсон А. Творческая эволюция. М. : Кучково поле, 2006.

Бергсон А. Два источника морали и религии. М. : КДУ, 2010.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М. : Наука, 1986.

Блок М. Коллективная память, традиция и обычай касательно недавно вышедшей в свет книги / В. В. Богданов, О. А. Фоменко, А. В. Байлов // *Социальная память*. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2015. С. 112–122.

Гофман А. Б. Проблематика традиции в творчестве Эмиля Дюркгейма // *Социологический журнал*. 2007. № 4. С. 63–73.

Дюркгейм Э. Определение моральных фактов // *Теоретическая социология: Антология*: в 2 ч. Ч. 1. М. : Университет, 2002. С. 25–68.

Миллер А. И. Методологические проблемы изучения политики памяти – решенные, нерешенные и неразрешимые // *Методологические вопросы изучения политики памяти*. М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. С. 4–10.

Нора П. Всемирное торжество памяти // *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. М. : Новое литературное обозрение, 2005. С. 391–402.

Сафронова Ю. А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // *Методологические вопросы изучения политики памяти*. М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. С. 11–26.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2. С. 8–27.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое изд-во, 2007.

Хальбвакс М. Индивидуальное сознание и коллективный разум // *Философия науки*. 2015. № 9. С. 105–115.

Apel K.-O. *The Response of Discourse Ethics to the Moral Challenge of the Human Situation as Such, Especially Today*. Leuven : Peeters Publishers, 2001.

Emile Durkheim. *Sociologist and Moralist* / ed. by S. P. Turner. New York : Routledge, 2005.

Fish J. S. *Defending the Durkheimian Tradition. Religion, Emotion and Morality*. New York : Routledge, 2016.

Levine D. *Visions of the Sociological Tradition*. Chicago : The University of Chicago Press, 1995.

Olick J. *Between Chaos and Diversity: Is Social Memory Studies a Field?* // *International Journal of Politics, Culture and Society*. 2009. Vol. 22. Pp. 249–252.

Olick J., Robbins J. *Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic* // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. Pp. 105–140.

Zeliezer B. *Reading the Past Against the Grain: The Shape of Memory Studies* // *Critical Studies in Mass Communication*. 1995. Vol. 12. Pp. 234–235.